

18+

ЕЛИЗАВЕТА РОМАНОВА

ПИСЬМА ИЗ СЕДЬМОГО «Б»

ИСТОРИЯ ПЕРВОЙ ЛЮБВИ

Елизавета Романова
Письма из седьмого «Б».
История первой любви

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=71112517
ISBN 9785006459564*

Аннотация

Учебный год у седьмого «Б» класса выдался сложным. Кто знал, что сначала весь класс окажется в изоляции, а потом лучшие друзья – Миша Крестников и Саша Иванова – полюбят друг друга так сильно, как могут любить только подростки. И только впервые.

Содержание

2	19
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Письма из седьмого «Б»

История первой любви

Елизавета Романова

© Елизавета Романова, 2024

ISBN 978-5-0064-5956-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1. Учебный год у седьмого «Б» выдался сложным

Сначала Дима Лапочкин заболел гепатитом, и весь класс из-за этого закрыли на карантин.

Знаете, что такое карантин в средней школе?

Класс поместили в рекреацию – унылый кабинет в детском корпусе под лестницей, куда к седьмому «Б» приходили все учителя. На переменах никого из кабинета не выпускали, зато под дверь прибегали дети со всего среднего звена, чтобы поржать над арестованным седьмым «Б». У несчастных закрытых учеников и правда было полное ощущение тюрьмы. И каждую перемену из-за двери доносилось мрачное зазывание арестантов. Начинала всегда Саша Иванова. Откуда в худеньком тельце тринадцатилетней девочки мог взять-

ся такой мощный бас, никто не знал, хотя многие задавались этим вопросом. Постепенно вой подхватывали все одноклассники Саши.

Их свободные друзья и недруги по ту сторону двери покатывались со смеху.

Дима Лапочкин, от мамы узнавший о карантине, догадывался, как его ждут одноклассники и чего они ему желают. Мальчик всерьёз опасался возвращаться после лечения школы.

Карантин закончился в середине ноября, Дима вернулся в школу чуть позже, ближе к концу месяца. Мальчик вошёл в кабинет во время большой перемены, в разгар эпохальной битвы между Мишей Крестниковым и Сашей Ивановой. Эти двое сидели за одной партой, на уроках постоянно болтали, а на переменах постоянно дрались.

Класс разделился на две команды: девочки болели за Сашу, мальчики – за Мишу. Обе группы поддержки орали так громко, что было слышно в коридоре. Но учителя, за время карантина пострадавшие с седьмым «Б», делали вид, что ничего особенного в классе не происходит.

Когда Дима вошёл в кабинет, все резко повернулись к мальчику, вздохнули и замолчали.

Миша убрал руку от Сашиних волос и брезгливо вытер ладони о пиджак. Саша тихо поставила стул, который уже занесла над головой одноклассника, на пол.

Кто-то тихонько присвистнул.

– Ах ты, козел! – гаркнула своим необычным мужским басом худенькая Саша и, встряхнув гривой длинных каштановых волос, в один прыжок взлетела из-за парты и приземлилась возле Димы.

– Спокойно, женщина! – поднял руку Миша.

Мальчик нарочито медленно встал из-за парты, поправил пиджак, пригладил волосы и подошёл к Диме.

– Ты его адвокат? – строго спросила Саша.

– Да, – с ухмылкой ответил Миша.

– Тогда я прокурор. Так, нам нужен судья! Кто будет судьей? – Саша поправила на носу воображаемые очки и оглядела класс. – Алиев! Алиев, будешь судьей?

– Буду! – вскочил Батыр Алиев, крепко сбитый мальчишка с жесткими, как проволока, иссиня-черными кудряшками. Батыр и правда мечтал быть судьей, поэтому охотно включился в игру.

– А присяжные? Нельзя без присяжных, – глумливо завокнулся Миша.

– Мы с девочками будем присяжными, – подняла руку Банщикова Ира, невероятная синеглазая красотка с зеркально гладкими светлыми волосами.

– Отлично! Госпожа прокурор, вам предоставляется слово, – обратился Батыр к Саше.

– Ну, что ж! Господин судья, господа присяжные, позвольте ввести вас в курс дела! Осенью сего года

– Чё? Какого года? – уточнил Миша.

– Сего! Значит, этого года, дурак, блин, – занервничала Саша.

– Я протестую! Прокурор не имеет права оскорблять адвоката!

– Протест принят, – важно кивнул Батыр и стукнул воображаемым молоточком по воздуху. – Госпожа прокурор, ведите себя прилично, – строго попросил он.

Саша набрала в лёгкие побольше воздуха, вздохнула и кивнула: – Хорошо, господин судья. Итак, осенью сего года – в октябре 2011 года, если быть точнее, обвиняемый Дмитрий Лапочкин по кличке «Желток»...

– Чего?! Когда вы мне кличку успели дать?!

– Молчать! – стукнул несуществующим молотком Батыр. – Обвиняемый, вам слово ещё не предоставляли!

– Кличку мы тебе дали, пока ты в больнице отлеживался, – сверкнула глазами Саша. – Итак, в октябре 2011 года обвиняемый Дмитрий Лапочкин по кличке «Желток» вероломно заболел гепатитом, в связи с чем подставил всю свою семью – учащихся седьмого «Б» класса средней школы номер 7. Благодаря подлым действиям Желтка весь класс оказался арестованным на три недели! Ученики седьмого «Б» класса потеряли возможность выходить на переменах в коридор, ходить в столовую, встречаться с друзьями из других классов, драться с недругами, ловить нужных учителей и задавать им дурацкие вопросы. Мы не получили ни одного бонуса, но получили огромное количество страданий. В связи

с этим я хочу задать вопрос вам, господин Судья, – цеременно кивнула Саша, – кто же понесет ответственность за моральные и материальные страдания учеников седьмого «Б» класса?

– Спасибо, госпожа Прокурор! Мы тщательно рассмотрим это дело, и если вина подсудимого будет доказана, он обязательно ответит за свое преступление. А пока помним: здесь и сейчас действует презумпция невиновности. Пока вина обвиняемого не доказана, он такой же человек, как и мы с вами.

– Желток он, а не человек, – хихикнул кто-то с последней парты.

– Свидетели, воздержитесь от комментариев, иначе будете выведены из зала суда! – одернул одноклассника Батыр. – Вам обязательно предоставится слово.

– Аааа, это что у вас тут происходит, седьмой «Б»?! – протяжно полувскрикнула, полувздыхнула Лариса Ивановна, учительница литературы, входя в класс. – Травля?! Буллинг? Кто инициатор? Иванова? – Лапочкин, я спрашиваю: тебя травят? Кто начал? Иванова?

– Ннннет, Лариса Ивановна, мы просто играли, – очаровательно улыбнулся Миша и, оттеснив Диму Лапочкина плечом, встал практически вплотную к учительнице.

– Крестников, – уже мягче произнесла Лариса Ивановна, – вот скажи мне, почему ты нагло врешь? Это не игра! И я понимаю, кто это все начал. Прекрати выгораживать Иванову!

– Все сели! – строго объявила учительница.

Дети разошлись по местам.

– Иванова, а ты куда пошла?!

– Вы же сказали всем сесть, – не поворачиваясь к Ларисе Ивановне, пробасила Саша.

– Тебя это не касалось.

– Тогда надо было сказать «Сесть всем, кроме Ивановой», не унималась Саша, по-прежнему стоя спиной к учительнице.

– Иванова, ты прекратишь мне хамить или нет?!

– Да я и не хамила.

– Повернись!

Саша лениво повернулась к учительнице.

– Подойти ко мне!

Девочка вразвалку подошла к учительскому столу. Странное это было зрелище: худенькая, ещё не оформившаяся девочка-подросток в широком мужском пиджаке и мешковатых джинсах, медленно волоча ноги и нарочито шаркая, шла к столу. Не опуская головы, не пряча взгляда.

– Иванова, травля? Ты инициатор? Родителям звонить?

– Травля. Я инициатор. Звоните.

– Ничего-то ты не боишься, да? – прищурилась поверх очков пожилая учительница. За 40 лет своей работы в школе Лариса Ивановна практически не встречала детей, подобных Саше. Были два таких ребенка. И оба нехорошо кончили. Лариса Ивановна, глядя на Сашу, всегда вспоминала

тех мальчиков. Вспоминала со смешанным чувством боли, страха и своеобразного ясновидения. Учительнице очень хотелось обнять девочку, согреть ее и немного растормошить. Но Лариса Ивановна знала: это бесполезно.

– Иванова, – очень тихо и четко произнесла Лариса Ивановна, – ты понимаешь, что мне придется вызвать твоих родителей в школу?

– Конечно.

– Ты понимаешь, что такими темпами ты даже этот год не закончишь?

– С чего это вдруг? – тряхнула кудрями Саша. – Я отлично учусь, участвую в общественной жизни школы...

– Я своими глазами видела, как ты участвуешь в общественной жизни школы, Саша! – повысила голос учительница. – Что за показательный суд вы тут устроили?

– Это просто игра, – Саша попыталась улыбнуться так же очаровательно, как Миша, но вместо улыбки у нее получилась гримаса.

– А Лапочкин в курсе? Его предупредили о том, что будет такая добрая милая игра?

– Мы не успели, – буркнула Саша.

– Вот поэтому ты и не закончишь школу. Со всеми твоими пятерками и общественной работой вылетишь отсюда, – произнося эти злые и жестокие слова, Лариса Ивановна удивлялась, зачем она это делает. Все это от начала и до конца было ложью. Отличницу Сашу действительно никто бы не исклю-

чил из школы за плохое поведение.

– Садись на место, – устало кивнула учительница.

Саша не двигалась.

– Иванова, садись.

– Зачем? Я же все равно из школы вылетчу. Может, мне уже начать вылетать?

– Иванова, сядь!

Саша внимательно посмотрела в серые глаза Ларисы Ивановны. В глубине этих усталых глаз билось что-то такое, что Саша очень бы хотела разгадать, но пока не могла. Этот теплый добрый огонек привлекал девочку и обещал ей защиту, но Саша, никогда и никому не доверявшая, не могла себе позволить приблизиться к этому огоньку.

Лариса Ивановна так же молча изучала темно-зеленые глаза Саши.

– Дурочка ты маленькая, я ведь помочь тебе хочу, – говорили серые глаза пожилой учительницы.

– Я вам не верю, – моргнув, отвечали зелёные искорки в глазах Саши.

– Надо верить, – неожиданно заслезились глаза Ларисы Ивановны.

В этой битве взрослой женщины и подростка никто не победил. Впрочем, и противостояния не было, ведь обе они сражались за одно и то же – за ученицу седьмого «Б» класса Иванову Александру.

Остаток урока прошел тихо, в нарочито спокойной и доброй обстановке.

Миша получил заслуженную тройку за ответы у доски, Саша и Ира – заслуженные пятерки за ответы с места, мальчики с галерки – честные четверки. Дима Лапочкин тоже получил четверку, но не совсем заслуженную и почему-то карандашную – в свой первый после болезни учебный день мальчик забыл дома тетрадь.

– Сашка, классно ты всё-таки с судом придумала, – восхитился Миша, когда они с одноклассницей вышли из школы.

– Ага, классно, – усмехнулась Саша.

– Думаешь, Лариса Ивановна позвонит твоим?

– Не знаю. Даже если и позвонит, мне по фиг.

– Я знаю. Слушай, Сашка, давай я тебя провожу?

– Зачем?

– А чё ты одна на свою окраину пойдешь?

– Всегда же хожу, чё тут такого?

Саша с Мишей дружили с первого класса, но именно в этом учебном году девочка наедине с другом чувствовала себя как-то странно: одновременно скованно и свободно. Ей казалось, будто она деревянная кукла, которую лишили чувств, – но эти чувства сами собой пробивались сквозь плотную защиту, оживало и ускорялось сердце, кровь быстрее бежала по кукольным венам. Саше хотелось убежать, спрятаться, но она не могла даже ускорить шаг. Последние

несколько месяцев девочка разговаривала с Мишей нарочито грубо, неожиданно проскакивали у нее не свойственные ей словечки и смешки, словно это был не лучший друг, а совсем незнакомый человек, чужой и взрослый.

– Нет, я тебя всё-таки провожу.

– А как ты сам потом домой пойдешь? Или мне тебя придется провожать?

– На такси поеду или папе позвоню, попрошу, чтобы он меня забрал.

– Ну, ладно. Проводишь до магазина, дальше я сама.

– Нет, или до дома, или ты пойдешь ночевать к нам.

– Да че бы я к вам пошла? У меня свой дом есть.

– Сашка, или до дома, или к нам, – неожиданно строго утвердил Миша.

Девочка ничего не ответила. Они молча шли по вечернему городу. Под ногами подростков чавкала смесь из снега, грязи и осенних листьев, над головой ласково улыбались фонари, вокруг сверкали неоновые вывески, моргали рекламные щиты.

И Миша, и Саша очень любили возвращаться вдвоем из школы. Именно в этот таинственный вечерний час город утихал и начинал сонно моргать. Выходя из школы в вечерний сумрак, друзья по привычке цапались, цеплялись друг к другу, но чем дальше они отходили от родного здания, тем тише становились их голоса, тем задумчивее дети смотрели вдаль. И тем сильнее им хотелось взяться за руки.

Миша до боли сжал кулаки в карманах куртки, догадываясь, что в этот момент Саша так же сжимает кулаки в карманчиках пальто.

– Хорошо, правда? – прокаркал Миша и сам обалдел от того, как смешно он это произнес.

– Хорошо, – не улыбнувшись, ответила Саша.

– А ты завтра что будешь делать? – спросил Миша и чуть не стукнул себя за этот идиотский вопрос.

– Уроки, наверное. И что-нибудь по дому.

Миша знал, что девочка врёт. Уроки она всегда делала в школе или у Миши, потому что дома у Саши просто не было возможности спокойно сесть за стол, разложить тетради и учебники и заняться уроками. Дома у Саши был пьющий папа и вечно плачущая мама.

– Приходи к нам? Мне твоя помощь нужна по географии. И по литературе. И по математике. А ещё мама пирог хочет испечь. – Не успев договорить это, Миша понял, что про пирог проболтался зря.

– Не хочу.

Короткое сашино «Не хочу» означало только одно: в субботу она с утра пораньше убежит из дома в холодный сыкотный ноябрь и будет до позднего вечера шататься по улицам.

– Саша...

– Не хочу.

Это последнее «Не хочу» было самым строгим. После него нельзя было продолжать уговаривать Сашу.

Красивый мальчик в дорогах брюках и модной куртке и худая до нелепости девочка в широком пальто и мешковатых джинсах молча шли по улице.

Эти двое смотрелись вместе так комично, но даже случайные прохожие, проходящие мимо, не посмели бы засмеяться над этим странным дуэтом – слишком сильно чувствовалась необычная связь между детьми.

– Все, пришли – объявила Саша, останавливаясь возле здания бывшего универмага.

Девочка жила в одном из самых криминальных районов города. Когда-то здесь было то, что раньше называлось Рабочим поселком, позже ставшим частью города – бедной грустной частью. Здесь была своя школа, но даже сашины родители понимали, что ребенку в этой школе делать нечего, поэтому записали дочку в одно из лучших общеобразовательных заведений города. Учеба была бесплатной, питание тоже, а вот на дорогу денег Саше почти не выделяли, поэтому чаще всего девочка ходила в школу пешком практически через весь город. С пятого класса каждый день за ней заходил Миша. И почти каждый вечер мальчик провожал подружку из школы.

– Мы договорились, что я тебя до дома провожу.

– Да блиииин! Вот че тебе так надо меня до дома проводить? – Саша так резко повернулась к Мише, что чуть не столкнулась с ним лбом.

– Ты знаешь, – прошептал Миша, стоя вплотную к девоч-

ке.

– Скажи.

– Ты знаешь, – ещё тише ответил Мише и придвинулся к Саше ближе.

– Скажи, – на удивление звонко выкрикнула Саша и подняла рюкзак прямо над мишиной головой. – Девочка чувствовала, что сейчас произойдет что-то, что навсегда изменит их с Мишей отношения, и очень надеялась перевести все в шутку и убежать.

– Ладно.

Теперь мальчик стоял вплотную к однокласснице, его модная блестящая куртка касалась потертого пальто Саши.

Лихорадочно блесевшие желто-карие глаза мальчика смотрели прямо в ставшие пронзительно яркими зелёные глаза девочки.

Саша бессильно опустила руку, рюкзак выпал прямо в кашу из грязи и снега.

– Саша, я тебя...

– Не надо!

– Люблю! – прошептал Миша.

– Я... яаааа... я... – вдруг начала заикаться девочка.

– И я знаю, что ты...

– Не надо! Дурак, я сама должна это сказать! – из зелёных глаз потекли слезы.

Девочка сглотнула горячий ком, который понёсся из горла прямо в маленькое сердце.

– Миша, я тебя люблю! – выпалила она и схватила друга за воротник куртки, плотнее придвинув к себе.

Губы мальчика соприкоснулись с губами девочки. Это не было настоящим поцелуем, – но ведь это были и не взрослые.

Это были маленькие влюбленные дети, юные, только-только начавшие созреть подростки.

Губы мальчика слегка коснулись губ девочки, и теплая искорка из сердца мальчика скользнула в сердце девочки.

– Я тебя люблю! – одновременно прошептал Миша и Саша.

– Давай ещё раз, – засмеялась сквозь слезы девочка.

– Я тебя люблю! А чё ты реवेशь, дурочка? – спросил Миша, не замечая, что из его глаз тоже бегут слезы.

– Не знаю. Потому что я тебя люблю, – серьезно сказала Саша.

Мальчик и девочка долго стояли под фонарем возле старого стеклянного магазина. Они молчали, не глядя друг на друга, но им было так хорошо!

– Пойдем, – строго сказал Миша, наконец-то встряхнувшись и словно очнувшись.

– Куда?

– Куда-нибудь.

Дети, не сговариваясь, протянули друг другу руки.

Миша и Саша шли по улицам этого странного района.

Мимо старого магазина.

По убитому комкастому тротуару.

Мимо бывшего кинотеатра, в котором теперь постоянно болтались мутные личности.

По странному то ли парку, то ли скверу почти без деревьев.

Мимо продуктового магазина.

Через дорогу, не обращая внимания на красный свет светофора.

Мимо крошечных частных домиков, окна которых были вровень с землёй.

Через старый мост.

Мимо домов побольше.

Наконец-то они пришли. Сашин дом был таким же, как другие дома в этом районе, – старым, словно сморщенным, небольшим, одновременно притягательным и отталкивающим.

– Пришли, – с облегчением объявила Саша.

Учебный год у седьмого «Б» выдался сложным.

Сначала Дима Лапочкин заболел гепатитом, и весь класс из-за этого закрыли на карантин. А потом Миша Крестников и Саша Иванова поняли, что любят друг друга.

Когда в понедельник утром в кабинет вошёл сначала Миша, а затем вбежала Саша, весь класс почувствовал: что-то изменилось. И сильнее всех это ощутил Саша Иванов. Он не был родственником Саши Ивановой, просто каким-то образом в одном классе оказались однофамильцы Александр Иванов и Александра Иванова.

Саша Иванов был замечательным мальчиком: он чувствовал то, чего не видели, не понимали и не ощущали другие люди. Даже взрослых поражали необычайные способности семиклассника.

– Оппааааа, – хитро и понимающе улыбнулся он, когда Миша и Саша вошли в кабинет.

– Чего? – буркнула девочка, проходя мимо тётки и не глядя на него.

– Да ничего, Сашка, просто, – засмеялся Саша.

– Очень смешно, – серьёзно сказала Саша и, вытащив из рюкзака тетрадь, стукнула одноклассника.

– За что ты его? – удивился Миша.

– Просто, – ответила Саша и этой же тетрадью стукнула Мишу.

– Опппаааа, – ещё более понимающе протянул Иванов.

Саша не знала, как теперь себя вести и куда девать глаза, губы, руки.

Привычная схема больше не работала, ведь странно бить по лбу мальчика, которому два дня назад призналась в любви.

Но и не бить тоже странно, поэтому Саша и стукнула Мишу тетрадкой. Как оказалось, Мише такая схема больше не нравилась.

Что делать, не знал и он. Поэтому в ответ просто кинул в Сашу пеналом.

– Ух ты, – восхитился Александр Иванов.

Саша ощутила одновременно облегчение и злость.

– Ах, вот ты как? – Получай! – издав горловой звук, девочка вытащила из волос заколку и зацепила ей кожу на руке Миши.

– Офигела, что ли?! Больно же, – сморщился Миша.

Седьмой «Б» уже давно привык к этим ежедневным баталиям, но в этот раз все было как-то иначе.

– Ну, держись, Иванова! Миша схватил линейку и направил ее прямо к горлу Саши.

– Сдавайся!

– А вот фиг! – Саша перехватила линейку и оттянула ее

в сторону. – Хана тебе и твоей линейке!

– Крестников, Иванова! – в кабинет с криком вбежала Анастасия Сергеевна, классная руководительница седьмого «Б».

Миша и Саша, не обращая внимания на учительницу, продолжали держать линейку.

– Мишка, лучшепусти ее, – пригрозила Саша.

– Это моя линейка, с фи́га ли я ее должен отпускать?

– Иванова, Крестников!

– Ладно, давай на счёт три, – предложил раскрасневшийся Миша.

Саша что-то быстро прикинула в уме и нарочито медленно кивнула:

– Окей. Рrrrrrrраааааз...

– Двааааааа – так же медленно протянул Миша.

– Иванова, если вы сейчас это не прекратите...

– Три! – выпалила Саша и, резко выхватив линейку из рук мальчика, звонко приложила ее ко лбу... Саши Иванова, каким-то чудом развернувшись к нему.

Миша захохотал, повалившись под парту.

Саша Иванов настолько удивился, что даже не пошевелился.

– Иванова, это что такое?! – классная руководительница уже орала.

– А что такое, Анастасия Сергеевна? Вы же сказали линейку выпустить, ну, я и выпустила.

– Дневники мне на стол! Оба! И ты, Иванов!

– А я-то чего?! – взвыл Саша. – Я пострадавшая сторона!

– Дневник мне на стол и иди в медпункт.

– Иванова, Крестников, Иванов, чтобы завтра в 19:00 родители были в кабинете. Если не придут, в следующий раз буду ждать их на общешкольном педсовете. Иванова, в первую очередь это касается тебя.

На удивление довольная Саша бухнулась на стул, за ухо вытянула Мишу из-под парты и показала ему язык.

– Ну, это пять баллов, – заржал довольный мальчик.

– Скажи же, круто Иванов получил?

– Иванова, Крестников!

– Дневники вам на стол? – уточнила Саша.

– Рты закрыли! Крестников, пересядь за последнюю парту третьего ряда!

Миша открыл рот, чтобы возразить.

– Молча!

Мальчик со вздохом поплелся к последней парте.

– Иванова! За первую парту первого ряда быстро!

– Но там же...

– Батыр, пересядь за ее парту, пожалуйста, – совсем другим тоном попросила классная руководительница.

Батыр молча кивнул и встал из-за парты. На середине пути встретившись с Сашей, он молча подал ей знак: «Дай пять».

Саша в ответ шлепнула ладошкой по пятерне друга.

Когда взбудораженный седьмой «Б» наконец-то успокоился, и разномастные детские головы склонились над тетрадями, Анастасия Сергеевна внимательно взглянула на Сашу.

Девочка, подперев лицо рукой, смотрела в окно. В раскрытой тетради без единой пометки и ошибки уже было выполнено упражнение по склонению неправильных английских глаголов и составлен диалог на тему «Моя любимая книга».

Сашины глаза смотрели в одну далёкую точку за окном, лицо было расслаблено. Даже вздыбленные кудри, казалось, успокоились и мягче легли вокруг бледного личика.

Анастасия Сергеевна залюбовалась девочкой. Несмотря на отвратительное поведение, Саша действительно была лучшей ученицей класса – и всей параллели. Первые места в школьных и городских олимпиадах по казахскому языку, литературе, истории, английскому языку и географии, лучшие научные проекты по математике и информатике, ведение общешкольной газеты, участие в соревнованиях по настольному теннису и танцам, – все это была Саша Иванова, самый трудный подросток средней школы номер 7.

Пристально изучив лицо ученицы, Анастасия Сергеевна поняла, что не только она неотрывно смотрит на Сашу. Из дальнего угла класса так же пристально на девочку смотрел Миша Крестников.

В отличие от Саши он был классическим троечником:

вроде старался и учился, но у него ничего не получалось, кроме физкультуры, изобразительного искусства и трудов. Зато Миша был на редкость обаятельным и до тлетворного влияния Саши очень спокойным ребенком.

«Так вот оно что», – пронеслось в голове у учительницы.

Первая школьная любовь! Все сразу стало на свои места.

– Сашаааааа, – тихонько позвала Анастасия Сергеевна, тоже подперев лицо ладонью.

– А? – Саша с трудом оторвалась от занимательной точки за окном.

– Ты все сделала? – ласково спросила Анастасия Сергеевна.

– Да, вот, – девочка протянула тетрадь учительнице.

Анастасия Сергеевна бегло прошлась по выполненным заданием и убедилась, что все действительно сделано идеально.

– Умница, Саша! Ни единой ошибки, молодец!

Саша покраснела от похвалы.

– Давай подумаем, как мы можем решить проблему с поведением? – мягко улыбнулась классная руководительница.

– Я... – Девочка, обычно не терявшаяся ни в каких ситуациях, вдруг почувствовала смущение.

– Может, ты можешь постараться быть немного поспокойнее на уроках и переменах? Мне бы не хотелось насовсем рассказывать тебя с Мишей.

– Я... Я... Давайте я постараюсь, правда постараюсь!

– Ну, что ж... Тогда сделаем так: назначаем тебе испытательный срок на неделю. До следующего понедельника. Если за это время не произойдет ничего криминального, вопрос с вызовом родителей в школу больше не поднимается. Если что-нибудь вытворишь, мне действительно придется вызывать родителей. И не просто на собрание, а на общешкольный педсовет.

Саша похолодела. Вызов родителей на классное собрание действительно не пугал девочку. Родители знали, что она отличница, ее поведение и вообще жизнь мало их интересовали. Но педагогический совет – это совсем другое. Последствия такой катастрофы Саша боялась представить.

– Я обещаю, Анастасия Сергеевна!

– Значит, договорились. Держи дневник.

Саша с опаской взяла свой дневник. Вместо устрашающей надписи про собрание в графе «Английский язык» красовалась жирная пятерка.

Прозвенел последний в этот день звонок с урока. Седьмой «Б» практически мгновенно вылетел из дверей кабинета, промчался, как торнадо, по раздевалке и уже в осенних вещах вылетел из школы.

Саша и Миша замедлились.

– Вы идете? – крикнула им Аня, чудесная толстушка с двумя косичками.

– Иди, мне ещё надо кое-куда зайти, – махнула рукой Са-

ша.

– Мишка, а ты?

– А я к маме на работу сначала.

Аня убежала вслед за классом.

Миша и Саша, не сговариваясь, протянули друг другу руки.

– Ты посмотри, какие голубки, Настя! – глядя на них в окно, протянула Лариса Ивановна.

– Ага, я сегодня поняла, что у них любовь, – по-матерински улыбнулась Анастасия Сергеевна.

– Не рановато ли? У Ивановой и так не семья, а яма с крокодилами, а тут ещё и первые чувства, – с искренним переживанием в голосе произнесла пожилая учительница литературы.

– Рановато, конечно, но как прикажешь им не чувствовать? Я вижу, что они не знают, как с этим быть и что делать: на уроках болтают безостановочно, на переменах дерутся. После школы, вон, за ручку идут. Ну, вот что с ними делать? Как их обезопасить? Как с Ивановой быть? Из семьи изъять мы её не можем, формально у них все неплохо: отец работает, мать тоже, руки папаша не распускает. Вот что мы можем сделать, Лариса Ивановна? – почти взмолилась молодая учительница, повернувшись к старшей коллеге.

– Ох, Настя. Я, конечно, не знаю, как быть. Но одно могу тебе сказать точно: с такой семьёй, как у Ивановой, и с таким

характером, как у нее же, ничем хорошим это не закончится. Нам эту девочку нужно как-то защитить. А как, я и сама не знаю. Пока мы можем только вот так за ними приглядывать.

Пожилая и молодая женщины вновь повернулись к окну.

Мальчик и девочка остановились.

Повернулись друг к другу.

Мальчик завел невидимую прядку волос девочке за уши, погладил ее по голове.

– Господи, какая нежность, – подозрительно дрожащим голосом прошептала классная руководительница седьмого «Б».

Мальчик взял девочку за руку, и они свернули за школу.

Всю неделю Саша честно держалась, ведь на кону было все самое главное в ее юной жизни.

Ни одной драки с Мишей на перемене.

Ни одной подколки одноклассников.

Ни одного громкого хохотка или перешептывания с Мишей на уроках.

Даже внешне Саша как-то подтянулась, казалась менее разболтанной и вредной.

В субботу Саша была дежурной по классу. Она любила дежурства: до блеска вымыть доску после уроков, аккуратно расставить стулья, выровнять парты, подмести пол, чтобы на нем не осталось ни одной соринки, – это простые дей-

ствия успокаивали непростую натуру девочки-подростка.

Но в эту субботу с самого начала что-то пошло не так.

Набирая воду в ведро в туалете, Саша так резко дернула кран, что окатила себя с ног до головы.

– Черт!

Саша закрутила кран, отставила ведро в сторону и посмотрела на себя в зеркало. Ничего хорошего оно не показало. Из зеркала на Сашу смотрела лохматая девочка в забрызганной рубашке и юбке, колготки перекрутились, ботинки тоже были мокрыми, волосы торчали во все стороны.

– Ну, копеееец, – простонала Саша и скорчила сама себе рожицу.

Подхватив ведро, Саша потащилась к кабинету. Подойдя к двери, девочка поставила ведро на пол... и именно в этот момент дверь с грохотом распахнулась и прилетела Саше по лбу, а затем снесла ведро с водой.

– Твою мать, – гаркнула девочка.

– Иванова, это что за выражения?! – на пороге стояла Анастасия Сергеевна.

– Да вы посмотрите, что вы наде... Что я наде... Что дверь наделала!

Анастасия Сергеевна огляделась: перевернутое ведро валялось у ног девочки, вода уже вылилась на пол, ботинки, колготки, юбка, рубашка шестиклассницы были мокрыми.

– Ой, Саша, прости, пожалуйста! – Анастасия Сергеевна чувствовала свою вину. Иди в класс, я сейчас воду соберу.

– Да по фиг уже, – Саша бухнулась на колени и начала собирать тряпкой воду с пола. – Хуже уже не будет, бормотала девочка, отжимая воду в ведро.

– Да ты посмотри на себя!

– Видела. Ну, правда, куда уж хуже, а, Анастасия Сергеевна? Как мне теперь домой идти?

– Ничего, высохнешь, в кабинете жарко, батареи горячие. Давай я тебе помогу, это же моя вина!

– Не надо, я сама, – буркнула Саша и продолжила елозить тряпкой по полу.

Анастасия Сергеевна поняла, что ей сейчас лучше быть подальше от стихийного бедствия по имени «Александра Иванова».

– Так, Саша, мне надо в учительскую сходить, ты пока заканчивай тут и в кабинете, ладно?

– Конечно.

Учительница ушла.

– Так, Саша, я пока пойду побакланю, а ты пока повкалывай тут, – передразнила ее Саша.

– Иванова, ты чё тут? – по коридору бежали остатки седьмого «Б».

– Дежурю, – поднялась с колен Саша.

– Давай мы тебе поможем, – предложил Батыр.

– Ну, давайте, – смягчилась Саша.

Вчетвером действительно получилось быстрее.

– Ну, красота же! – искренне восхитилась белокурая кра-

савица Ира, оглядывая кабинет.

Кабинет сверкал, все было идеально.

– Все, Сашка, одевайся!

– Подождите, надо дождаться Анастасию Сергеевну и сдать ей кабинет, нельзя его так бросать, она должна принять дежурство, – остановила Ира Сашу, ринувшуюся было одеваться.

– Да блиииин, – хором протянули Саша, Батыр и Алина.

– Да блиииин, – присоединилась к ним Ира.

– Ладно, ждём.

Ровно с этого момента время как будто остановилось. Четверо из седьмого «Б» поиграли в крестики-нолики, заново запачкав доску, затем начисто вымыли ее.

Съели яблоко, которое Алина нашла в своем рюкзаке.

Решили все задачи по математике, расписывая уравнения пальцами в воздухе.

И даже прочитали отрывок из повести, заданный на вторник.

А учительницы все не было.

– Ира, сколько времени? – спросила Саша.

– Двадцать минут девятого, – ответила девочка, бросив взгляд на изящные часики, украшавшие ее тонкое запястье.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.